

УДК 130.2

К вопросу о критериях выделения философской поэзии

О.В. Попова

Факультет социального управления Мурманского института экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кафедра гуманитарных и социальных наук

Аннотация. В работе рассмотрен синтез философии и поэзии как видов творческой деятельности человека, а также предпринята попытка определить критерии для выделения художественного произведения как философского на основе анализа исследований, посвященных данной теме.

Abstract. In the paper the problem of philosophy and poetry as kinds of creative activity of the person has been considered. The author has analyzed some criteria of art philosophical works on the basis of previous researches.

1. Введение

Определение "философская" по отношению к поэзии постоянно встречается на страницах философских статей и литературоведческих исследований. Но само понятие "философская поэзия" не относится к числу философских понятий, которые получили четкое определение и обоснование. Теоретические аспекты философской поэзии привлекали внимание не только литературоведов (Маймин, 1976), но и философов (Щемелева, 1974; Данелия, 1971; Сиземская, 2007). Среди проблем, находящихся в круге их интересов, одной из самых важных представляется вопрос о тех критериях, на основании которых следует классифицировать то или иное поэтическое произведение как философское. Хотя проблема эта и не нова, тем не менее, она недостаточно освещена в философской литературе, поэтому хотелось бы попытаться, суммировав имеющиеся исследования, выделить основные критерии определения поэтического произведения как философского.

2. О соединении и пересечении философии и художественного творчества

2.1. Философия как форма познания действительности

Философия один из древнейших видов творчества человека. Как только человек заинтересовался окружающим миром, своим местом в нем, возникла необходимость в теоретизации этих идей. Это и явилось важнейшей предпосылкой образования философии как способа осмысления реальности. Именно она позволила перейти от прагматического, обыденного познания мира к научному, более глубокому, учитывающему не только сущность, но и закономерности развития всего сущего. И здесь нельзя не отметить заслугу древних греков, ведь именно они смогли совершить переход от вольных мнений (докса) к более строгому знанию (эпистеме). Поэтому историки философии говорят о ней как об одной из первых форм теоретического знания и начинают ее историю от Фалеса Милетского (5 в. до н.э.).

Но что же такое философия? Определений этому понятию существует множество.

Если задаться вопросом "Что есть философия?", то перед нами предстанет весьма интересная картина: с одной стороны, имеет место утверждение, что философия может быть стройной системой и тождественна научному знанию, с другой – позиция, которая наиболее ярко выражена в работах Серена Кьеркегора, что нет никакой общезначимой философии, есть "философствование" отдельного индивида, то есть, сколько людей, столько и философий. Конечно же, это крайние позиции, но, тем не менее, они обе имеют право на существование и отражают тот интерес к сущности философского знания, который не угасает и до сих пор. Позволим себе высказать суждение о том, что обе эти позиции вряд ли могут быть приняты в качестве единственно верных. В отличие от многих наук, отличающихся однозначными четкими убеждениями и выводами, философия более свободна в своих построениях, потому что она, по сути своей, – плюралистична. Мы бы отметили, что именно это и роднит ее с художественным творчеством и, в частности, с поэзией.

Если говорить об определении философии как науки, то тут, как мы сказали, можно столкнуться с рядом трудностей. Так, в одной из работ О.А. Донских (1993) в приложении к основному тексту: "самоопределение философии", авторы приводят перечень определений философии от Пифагора и Гераклита до В. Вернадского и М. Мамардашвили, занявший 20 страниц. А в хрестоматии М.Ю. Келигова (1998) эта проблема занимает уже 379 страниц. Таким образом, само понимание философии содержит в себе калейдоскопичность, множественность. Но это ни в коем случае не означает, что многообразные толкования философии нельзя систематизировать и привести к единому знаменателю.

На наш взгляд, для философии как формы духовной деятельности человека определяющим является соотношение: мир – человек. По словам В.Е. Кемерова: "Философия – способ построения картин, фиксирующих положение человека в мире, и способ проблематизации этих картин. В различных философских направлениях она определяется как мировоззрение, как методология познания, как знание о мире в целом, как форма идеологии, как наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления, как нерационализированное постижение жизни. Собственная проблемность философии в значительной мере определяется неразрешимой, по сути, задачей «собрать» воедино основные характеристики человеческого положения в мире, вместе с тем, не утратить остроту восприятия конкретной проблемности человеческого бытия, его непосредственного личностного переживания и осмысления" (Кемеров, 1998). Именно из этого понимания философии мы будем исходить в дальнейшем, так как именно в нем сконцентрированы все важнейшие аспекты определения философии, а также подчеркнута мысль, что философия – это интегративная форма освоения мира.

Отличие философии от системы научного познания в том, что все проблемы, которые она рассматривает, относятся к числу не имеющих однозначного решения, она является лишь подсказкой, руководством к возможному постижению действительности даже в самых мудрых учениях, выдержавших испытание тысячелетиями. Она учит не только проникновению в таинственный Универсум, но и погружению в собственное "Я". Именно она призвана помочь человеку ответить на извечные вопросы: "Зачем я в этом мире?", "Каково мое предназначение?" и многие другие. Иными словами, она позволяет человеку сделать выбор, самому определиться в своих взглядах на мир.

Конечно же, абсолютных ответов мы не получим никогда, но именно философия позволяет хотя бы поставить проблему и дать толчок к ее осмыслению. Так же, как и теология, философия размышляет о проблемах, которые непостижимы для точного знания. И подобно науке, она опирается на мысль, а не авторитет догмы.

2.2. Поэзия как явление культуры

Для того, чтобы показать взаимодействие и диалогичность философии и поэзии, необходимо определить поэзию как явление культуры, литературы и формы человеческого творчества.

Если отвечать на вопрос: "что такое поэзия?", то, прежде всего, это художественная составляющая освоения окружающего мира, которая помогает воссоздать не только внешний, но и внутренний мир человека. Именно поэзия является выразителем эстетической составляющей бытия. Задачи поэзии как вида художественного творчества наиболее полно и четко определил Гегель: "Главная задача поэзии будет состоять в том, чтобы способствовать осознанию сил духовной жизни и вообще всего того, что бушует в человеческих страстях и чувствах или спокойно проходит перед созерцающим взором – всеобъемлющего царства человеческих поступков, деяний, судеб, представлений, всей суеты этого мира и ее божественного миропорядка. Поэзия была всеобщей и распространеннейшей наставницей человеческого рода, да и остается ею и поныне" (Гегель, 1971).

Поэзия является одним из древнейших видов искусства. Она возникает в глубокой древности, где была тесно связана с музыкой, и существует сейчас как форма культурного сознания. Она является неотъемлемой частью любой этнокультуры, так как именно в ней выражается национальный характер народа, создающего ее. Наверное, именно поэтому даже самые лучшие переводы поэзии на другой язык многое теряют в сравнении с оригиналом.

Важное отличие поэзии и в том, что она способна дать глубинный, интуитивный синтез впечатлений от реального мира, преломленного через внутренний мир поэта. А если учитывать, что любая личность уникальна, а личность великого поэта в особенности, то при небольшом количестве тем и мотивов, мы получили огромный пласт поэтического отображения действительности.

Если обратиться к истории развития научных представлений о поэтическом искусстве, то вопрос, может ли произведение художественной литературы иметь философское содержание волновал ученых еще в античности, он привел к полемике между крупнейшими мыслителями того времени – Платоном и Аристотелем, которая была связана с различным подходом к искусству: Платон рассматривал его как критик, а Аристотель – как диалектик.

Так, Платон подверг искусство критике. В отношении поэзии он вынес окончательный вердикт, осудив ее и установив, что она не является философией. Для него поэзия – это "детская забава", "несерьезное дело". В его идеальном государстве, где власть отдавалась философам, поэты подвергались изгнанию, так как, по концепции Платона, философия есть постижение общей идеи, а поэзия – это погружение в частные идеи, связанные представлением личности. Таким образом, Платон отказал поэзии в ее праве познавать мир.

Совершенно иначе рассматривает поэзию Аристотель, который пытается доказать, что поэзия и философия родственны. "Поэзия философичнее и серьезнее истории", "поэзия в большей мере говорит

общее, а история в большей мере говорит частное", – писал Аристотель, подчеркивая сходство между философией и поэзией, полностью отвергая взгляд Платона.

Аристотель считает, что и поэзия, и философия имеют общее происхождение, в основе которого лежит человеческая природа. Определяющим моментом в этом является то, что человек – "общественное животное", именно поэтому, считает Аристотель, и появились философия и искусство, так как их источник – стремление человека к знанию. "Все люди по природе своей стремятся к знанию" (Аристотель, 1975), – именно этими словами он начинает свою "Метафизику". Получается, что и философия, и поэзия отражают стремление человека к знаниям. Поэтому можно сказать, что поэзия, как и философия, есть форма познания действительности. Но нельзя говорить о том, что Аристотель отождествляет философию и поэзию. И именно в этом его величайшая заслуга как теоретика не только поэзии, но и искусства: именно он проводит четкую грань между философией и искусством, высшим среди которых считает поэзию. Он впервые установил, что философия ищет понятий, а поэзия творит образы или типы. И хотя между понятием и образом много различий, но есть и сходство, которое позволяет говорить об их родстве. Оно состоит в том, что понятие синтезирует в себе индивидуальное, переосмысляя его как общее. То же мы можем сказать и о поэзии, так как образ, который создает поэзия, а вместе с ней и искусство вообще, есть общее. И здесь можно говорить о том, что вопреки мнению Платона, поэзия – это не только углубление частности индивидуального, чувственно-реального предмета, а отсюда и познавательная ценность искусства. Но нельзя не отметить, что между образом и понятием, по Аристотелю, есть и существенное различие: понятие постигается рассудком при помощи мышления, а образ не мыслится, а созерцается и постигается интуицией. Но на это способен не каждый, многим в постижении образа нужна помощь. И хотя у каждого есть способность к мышлению, но не всякий может быть поэтом. И именно благодаря этому дару поэт может совершенно иначе воспринимать мир в чувственно-реальных предметах, которые другие попросту не замечают. И главную миссию поэта Аристотель видит в его способности донести этот образ посредством своих творений до слушателя или читателя.

Но, по учению Аристотеля, в индивидуальном (чувственно воспринимаемом) предмете заключено и понятие не в меньшей мере, чем образ, а человек не может непосредственно созерцать понятие, а образ может. Поэтому именно поэзия помогает обычному человеку постигать окружающий мир и, конечно же, себя как частицу чего-то целого. Именно благодаря этим идеям Аристотель заложил начала эстетики как особой философской дисциплины.

И после Платона и Аристотеля проблема взаимоотношения философии и искусства продолжала волновать умы. Так, например, в XVII и XVIII столетиях под влиянием картезианского рационализма искусство сводили к философии, а эстетическое восприятие – к интеллектуальной функции. Для лейбнизианца Вольфа эстетическое восприятие было лишь смутным представлением, а поэтическое произведение могло быть ценно лишь при условии ясности и отчетливости содержащейся в нем мысли. Конечно, такой взгляд на поэтическое искусство угрожал не только развитию этого искусства, но и его существованию, и отсюда понятной становится та историческая роль, которая выпала на долю романтизма.

Отбросив рационализм и интеллектуализм, романтизм уже в лице Шиллера и Гете выступил в защиту самостоятельности художественного творчества, его независимости от философского мышления. Поэзия вовсе не призвана тому, чтобы обслуживать философию – заявляют романтики, она имеет свою самостоятельную ценность, несводимую к ценности философской мысли. У нее есть и свои собственные критерии этой ценности, которые не состоят в одной лишь ясности и отчетливости: очень ясное и очень отчетливое по содержащимся в нем мыслям произведение поэзии может быть художественно бездарным, говорили романтики.

Из этого более чем краткого обзора развития представлений о взаимоотношениях поэзии и философии можно сделать следующий вывод: во всяком произведении художественной литературы может быть объективно заключена та или иная идея, которая, как и всякий объект, подлежит научному исследованию. Легко может статься, что сам поэт не имеет дифференцированного знания о том, какая объективная идея заключена в его художественном произведении (лучшей иллюстрацией к этому служит пример Бальзака), но этим не доказывается, что вообще в художественном произведении нет такой идеи.

Подтверждение правильности нашей мысли можно почерпнуть из довольно показательных примеров философского изучения художественного творчества выдающихся представителей русской и западноевропейской литератур.

Так, например, историк философии Виндельбанд писал "О философии Гете", хотя Гете был поэтом, а не профессиональным философом. На чем основывался Виндельбанд, когда он писал свою работу? Не на философских трактатах Гете, а на поэтических произведениях Гете, на созданных им художественных образах.

Можно привести и другие примеры. Историк философии Куно Фишер написал книгу о "Фаусте" Гете. Он же автор книги о "Гамлете" Шекспира. В обеих книгах Куно Фишер к произведениям

художественной литературы применяет метод философского анализа, изучает поэтическое творчество средствами философского мышления, пытаясь вскрыть заключенное в них философское содержание.

Не раз применялся философский анализ и к творчеству русских писателей. Имеется ряд опытов, посвященных философскому изучению творчества таких деятелей литературы, как А. Пушкин (*Кибальник*, 1998), Ф. Тютчев (*Франк*, 1913).

2.3. К вопросу о синтезе философии и литературы

Что же объединяет философию и литературу? Ответ на этот вопрос мы находим у многих мыслителей, но наиболее точно его выразил И. Бродский: "Вкус к метафизике отличает произведение искусства от простой беллетристики" (*Бродский*, 2000). Что же подразумевает под "метафизикой" великий поэт? Скорее всего, постижение мира как целого, постановку основополагающих проблем бытия и самостоятельный поиск их общезначимых решений.

Как известно, слово "метафизика" первоначально относилось к работам Аристотеля, которые шли "после физики" и исследовали "сущее как таковое, а также то, что присуще ему само по себе" (*Аристотель*, 1975). В отличие от наук, метафизику интересует то, что невозможно постичь только при помощи научных знаний. Те вопросы, которыми она занимается, вечны: что есть человек?, есть ли бог?, что есть зло и добро? Окончательных ответов мы не получим никогда, отсюда и постоянная потребность поиска новых решений. Даже И. Кант – философ, который положил начало критике метафизики, – все же признавал, что метафизика определяет любого мыслящего человека.

Есть своя метафизика и у литературы, именно она и отличает литературу от других видов словесной деятельности человека. Причем ее пронизывают такие понятия метафизики как Бог и человек, жизнь и смерть, добро и зло, вера и неверие, часто даже помимо намерений самих авторов.

Это не значит, что литература – филиал философии. Да, конечно, метафизика является разделом философии, который исследует законы и универсалии мироздания. Но у искусства тоже есть своя метафизика, которая раскрывается не философскими понятиями и определениями, а чувственными образами. Об этом очень хорошо сказано в книге известного исследователя русской философской поэзии *М.Н. Эпштейна* (2006): "...область метафизики и шире, и уже философии. С одной стороны, метафизика – только один из разделов философии, наряду с эпистемологией, онтологией, этикой, эстетикой и т.д. С другой стороны, философия – лишь одна из областей метафизики, которая может выражаться так же в литературе, театре, живописи, музыке и т.д."

Конечно, в самом художественном произведении мы практически не встречаем метафизических высказываний, они выражены косвенно через соотношение образов, особенностях стиля. Поэтому художественное произведение требует несколько иного подхода, чем философские трактаты. Но в то же время именно такое восприятие действительности позволяет проникать в сущность бытия глубже философской метафизики, которую интересуют лишь общие категории и понятия.

Таким образом, связующим звеном между литературой и философией выступает метафизика с ее извечным интересом к неразрешимым проблемам бытия, волнующим всех мыслящих людей испокон веков.

3. Критерии выделения философской поэзии

И все-таки, какое же поэтическое произведение можно отнести к разряду философских? Исследователи выделили ряд критериев, главным из которых всеми признается аналитическое внимание к общим вопросам человеческого бытия и нравственности, истории и вечности, природы и мироздания. Но этот критерий приводит к вопросу о том, чем же тогда философия отличается от философской поэзии? На этот момент в своей работе обратила внимание *Л.М. Щемелева* (1974): "Проблема специфики философской лирики поворачивается... как проблема ее самоопределения перед лицом философской мысли".

В своей статье исследовательница выделяет и другие критерии определения философской лирики: это собственно философская оригинальность идей поэта и главный, с ее точки зрения, критерий – структура поэтического сознания. Но тезис о философской оригинальности идей поэта вызывает сомнения: требование абсолютно самостоятельной, цельной и стройной системы философских идей, предъявляемое к поэту, представляется явно завышенным и вряд ли оправданным. Ведь поэт по сути своей не является философом, для него важнее оригинальность образного воплощения идей. Причем эти идеи могут быть даже заимствованы у одного или нескольких философов, что не исключает для него и возможности самостоятельного философского мышления. Мысль поэтическая и философская неравнозначны. И здесь интересна идея *Т.В. Соколовой* (1982), что "...больше оснований говорить не о собственно философской оригинальности идей поэта, а о специфике философской поэтической мысли. Эта специфика заключается в синтезе двух способов мышления – конкретно-образного и отвлеченного, синтезе, порождающем особую и характерную именно для философской поэзии образную систему".

Нельзя не отметить и попытку Щемелевой выделить важнейшие константы философского поэтического сознания. И здесь главным критерием философской поэзии исследовательница считает не сам по себе интерес к наиболее общим проблемам бытия, а уровень, до которого поэт способен подняться в их трактовке. Именно исходя из этого уровня, по мнению Щемелевой, можно разделить авторов стихотворных произведений на просто поэтов и поэтов философских. В связи с этим она выделяет два свойства поэтического философского сознания: "незаинтересованное" отношение поэта к собственному опыту и осознание его в общечеловеческом плане; а также признание всякой личности уникальной и неповторимой. Отсюда и понимание цели поэзии – утверждение самозаконности всякого индивидуального начала, личности вообще. Эти идеи в статье достаточно четко и убедительно аргументированы. Но сделанный автором статьи вывод, что в философской поэзии автор сознательно отказывается от полемического отношения к миру, вызывает споры. По мнению Л.М. Щемелевой, философская поэзия выходит за пределы всякой полемики, критики существующего, становится над конфликтами общества. Но Т.В. Соколова (1982) в своей работе, посвященной предпосылкам философии романтизма во Франции, говорит, что такой взгляд отличается узостью: "Тем самым носителем «философской структуры сознания», т.е. поэт-мыслитель, лишается возможности принять в конфликте или полемике определенную позицию: он ни с кем и ни за кого, он над всеми". Соглашаясь с Соколовой, мы можем высказать мнение, что в интерпретации Щемелевой философская поэзия оказывается суженной до пределов одной личности, индивидуальности художника. На наш взгляд, это неправомерно и неоправданно ни фактами литературной истории, ни теоретически, потому что с определением "философская поэзия" связана идея максимального обобщения всего конкретного, абстрагирование от повседневной действительности, сосредоточенность на глобальных, мировых проблемах.

Т.М. Соколова предлагает свои критерии выделения философской поэзии. Первый из них – степень осмысления избранной темы: "проникновение в самые общие закономерности изображаемого явления, систематическое соотнесение отдельного с целым, частного – с общим, личного – с общечеловеческим, реального – с идеальным" (Соколова, 1982). Вторым критерием исследовательница считает универсальную тематику: это и природа, и любовь, и история, и законы мироздания, и многое другое. Третий же критерий, который признается не менее важным, – специфика образного воплощения мысли.

Одной из последних работ, посвященных рассматриваемому вопросу, является статья И.Н. Сиземской "Русская философия и поэзия: согласие ума и сердца", вышедшая в журнале "Вопросы философии" в 2007 г. Что же предлагает автор? Прежде всего, И.Н. Сиземская обращает внимание читателей на глубинную связь философии и поэзии. По ее мнению, это особенно ярко отражено именно в русском искусстве слова, основные особенности которого "характеризует гармония между чувством и мыслью, вдохновением и осознанием: их муза – муза поэзии и мысли одновременно" (Сиземская, 2007). Именно поэтам доступны два мира: фантазии и реальности, которые, переплетаясь в сознании творца, дают совершенно новый феномен – философскую поэзию, отражающую вселенную, будущее при помощи чувств и мысли одновременно.

Но что же является основанием для выделения поэтического произведения в философское? Исследователь пишет, что поэзия способна стать "эхом мирового бытия" (Сиземская, 2007), с ее помощью формируется мировоззрение человека. Кроме того, основной темой такого произведения является тема человека, его самоопределения, цели человеческого существования. Произведение, претендующее на философичность, как правило, должны волновать и этические категории: свободы, совести, истины, дружбы, отмечает автор.

4. Заключение

Таким образом, все без исключения исследователи отмечают, что философская поэзия отличается от философии, прежде всего, спецификой способа мышления, который соединил в себе конкретно образное и отвлеченное начала.

Наиболее удачной, с точки зрения выделения критериев философской поэзии, является работа Т.М. Соколовой "Историко-эстетические предпосылки философии романтизма во Франции", и хотя это исследование было написано довольно-таки давно, но оно не потеряло своей актуальности и сегодня. Эту статью удачно дополняет исследование И.Н. Сиземской.

Итак, что же можно определить в качестве основания для выделения философского произведения:

- 1) тема произведения должна быть тесно связана с философскими и этическими проблемами, то есть она должна быть универсальной;
- 2) степень осмысления проблемы должна носить общий характер, быть актуальной для каждого человека, а не замыкаться в рамках личности творца;

3) важна и специфика воплощения философской мысли, ее передача образным языком поэзии, а не сухим языком науки.

Но нам бы хотелось отметить и такой важный критерий, упущенный, на наш взгляд, этими исследователями, как способность поэтического произведения не только волновать воображение читателя, но и воспитывать, наполнять его душу и ум идеями о вечных ценностях, идеале человека.

Литература

Аристотель. Метафизика. Собр. соч. в 4 т. М., Мысль, т.3, 621 с., 1975.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., Искусство, 355 с., 1971.

Бродский И. О скорби и разуме. Сочинения. СПб., Пушкинский фонд, т. VI, 456 с., 2000.

Данелия С. О философском рассмотрении явлений художественной литературы. *Вопросы философии*, № 5, с.140-146, 1971.

Донских О.А. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. М., Издательство Московского университета, 240 с., 1993.

Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. СПб., Дм. Буланин, 240 с., 1998.

Келигов М.Ю. Философы о философии. Опыт постижения философии. Р.-н-Д., Феникс, 320 с., 1998.

Кемеров В.Е. Философия. Современный философский словарь. М., Академический проект, 964 с., 1998.

Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., Наука, 190 с., 1976.

Сиземская И.Н. Русская философия и поэзия: согласие ума и сердца. *Вопросы философии*, № 3, с.152-160, 2007.

Соколова Т.В. Историко-эстетические предпосылки философии романтизма во Франции. *Вестник Ленинградского университета. Серия: История, языковедение, литература*, № 8, вып.2, с.59-67, 1982.

Франк С. Космическое чувство в поэзии Тютчева. *Русская мысль*, № 11, с.1-31, 1913.

Щемелева Л.М. О русской философской лирике XIX в. *Вопросы философии*, № 5, с.90-100, 1974.

Эпштейн М.Н. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М., Высшая школа, 560 с., 2006.